

РОМАН «ЧЕРНЫЙ ЭТАП» С. ФАЗЛЫЕВА В ПЕРВОМ ЧТЕНИИ

Хасанов Р.Ф.¹

¹*Бирский филиал ФБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия, (452453, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail: academy@birsk.ru*

Статья посвящена анализу некоторых особенностей художественной структуры романа С. Фазлыева «Черный этап». Автор рассматривает тематику, проблематику, особенности жанра, стилиевые доминанты, язык произведения. Отмечается, что это один из значительных романов в башкирской литературе последних лет, с новых позиций освещающих события 30-40-х годов XX века. Это коллективизация, раскулачивание, судьба крестьянина-середняка, репрессии, сибирская ссылка, тыл, деревня в период Великой Отечественной войны. Исследователь указывает, что жанр романа носит синтетический характер, включает в себя особенности хроники, социально-бытового, социально-критического, историко-биографического и документального романов. Стилиевой доминантой произведения является описательность, выраженное изобразительное начало. С. Фазлыев хорошо знает язык родного народа, часто обращается к художественно выразительным средствам устного народного творчества.

Ключевые слова: роман-хроника, историко-биографический роман, жанр, тематика, проблематика, стилиевая доминанта, историзм, образ, внутренний монолог, психологизм, мотив, символ, субъективное повествование.

THE NOVEL “THE BLACK STADE” BY FAZLIEV S. IN THE FIRST READING

Khasanov R.F.¹

¹*Birsky branch of BashSU (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya St., 10) e-mail: academy@birsk.ru*

The article is dedicated the analysis of some of the peculiarities of the artistic structure in the novel “Chornii Etap” (“The black stage”) written by Fazliev S. The author gives a consideration to the theme, problem, the peculiarities of the genre, stylistic dominants and to the language of the work. It is said that the novel is one of the most remarkable works in the bashkir literature of the las years, which gives a new view to the events of the 30-40’s years of the XX century. The following events are described here: the collectivization, dispossession of the kulaks, the lot of the middle peasant, repression, Siberian exale, rear village in The Great Patriotic War period. The researcher points that the genre of the novel has a synthetic character, includes the features of the chronicle, social-critical, historico-biographical and documentary novels. The stylistic dominant of the novel is in its descriptive character and in the expressed artistic beginning. Fazliev S. knows the language of the native people very well, he often adverts to the artistic facilities of the verbal fork arts.

Keywords: chronicle-novel, a historical-biographical novel, genre, theme, problem, stylistic dominant, a historical method, an image, an inner monologue, psychology, motive, symbol, subject narration.

Роман «Черный этап» [6] привлекает широтой охвата действительности, событийностью, насыщенностью сюжетного действия и вместе с тем сосредоточенностью на судьбе отдельной личности, психологической глубиной и разработанностью характеров. Суровый реализм, стремление к объективности, изображение общего и частного, социального и бытового, большого и малого, синтез трагического и лирического, тематическое многообразие – всё это образует сложную художественную структуру романа. В нем нашли отражение события периода коллективизации, сталинских репрессий, военных и послевоенных лет, которые перевернули жизнь миллионов людей. Если попытаться определить основную тему произведения, то это изображение судьбы той части крестьянства, которая не захотела вступить в колхоз, продолжала вести единоличное

хозяйство. Тем самым она вступила в противостояние с новой властью, с политикой, проводимой партией большевиков в деревне в 30-е годы прошлого века. Эти крепкие хозяйственники, своим упорным трудом вставшие на ноги в годы НЭПа, были объявлены врагами народа, подкулачниками и подлежали суровому наказанию. Волна репрессий по отношению к таким единоличникам-середнякам прокатилась по всей России. Изгнанные из родных мест, обреченные на вымирание на чужбине, они стали изгоями общества. Об этом написано немало книг, достаточно вспомнить «Поднятую целину» М. Шолохова, в которой с большой эмоциональной силой описаны сцены раскулачивания.

О том, как это происходило в башкирском крае повествует роман С. Фазлыева. Можно сказать, что это одно из первых и значительных произведений в башкирской литературе, в котором обстоятельно, художественно выразительно и психологически убедительно показана трагедия человека из народа в эти годы, раскрыта бесчеловечность и жестокость, антинародная суть такой политики.

Примечательно то, что С. Фазлыев пишет о своих предках, дедах и прадедах, представителях старшего поколения их семейного рода, оказавшихся в центре этих событий, ставших их непосредственными участниками, отчасти жертвами. Отсюда личная заинтересованность автора в судьбах своих героев, особый эмоциональный тон в повествовании, а также установка на объективность, реализм характеров и обстоятельств.

Проблемно-тематическое содержание романа позволяет рассматривать его в ряду произведений так называемой «возвращенной литературы», связанной с именами А. Солженицына, Ю. Домбровского, В. Шаламова, А. Рыбакова, Вас. Аксенова и др., писавших о репрессиях 30-х, о жертвах тоталитаризма. В башкирской литературе это романы А. Хакимова «Нет спасения от бури», «Ураган», Р. Уметбаева «От росы гнется ковыль», «Синий туман Иряндека», Г. Хисамова «Кровавая земля».

Сильно звучит в романе тема деревни. И в этом отношении С. Фазлыев традиционен в хорошем понимании этого слова. Он продолжает линию отечественной классики, идущей еще с XIX века и получившей новое звучание в XX веке. Это целое направление в литературе советского периода, названное в последующем «деревенская прозой», объединившее большие таланты. Она выступила в защиту деревни, писала о ее бедах и проблемах, через образы «мужиков и баб» показала ее духовно-нравственную мощь, раскрыла животворные истоки, питающие человека.

Размышления автора и героев о многострадальной деревне актуальны и созвучны современности. Конкретно показывая изломанные судьбы, жизнь своих героев, он считает, что преобразования в деревне, коллективизация нанесли ей огромный материальный и духовный ущерб, подрубили основы крестьянского труда, привели к утрате его смысла. Уже

с первых страниц романа рисуются картины раскулачивания, растасканного добра (по сути мародерства), разоренных хозяйств Аглетдина, Усмана и других, созданных ими своими руками, кропотливым трудом и потом. На протяжении всего сюжета автор не оставляет эту тему, то и дело противопоставляя деревню и город, представляя его как что-то вторичное, искусственное образование, живущее во многом за счет деревни.

Жанр своего произведения автор определяет как роман-хроника. Чаще всего под ним понимают последовательный рассказ о жизни того или иного лица. Например, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, а в западноевропейской литературе «Ругон-Маккары» Э. Золя, «Будденброки» Т. Манна, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Вместе с тем такое понимание романа-хроники несколько сужает и не в полной мере раскрывает ее жанровое содержание. Не в меньшей степени в ней содержится изображение событий эпохального масштаба, исторического характера, на фоне и в водовороте которых происходит становление, формирование героя (героев), даются основные вехи его биографии. Хроникальное начало наблюдается во многих произведениях как способ включения исторического времени в движение сюжета. Определение «хроника» призвано указать на некоторые особенности романной структуры, подчеркнуть установку на объективность фактов, подготовить читателя к соответствующему восприятию содержания. «Черный этап» можно характеризовать как хронику событий и хронику семейной жизни (Аглетдина, Усмана и др.), то есть как «роман-событие» и как «роман-судьба».

В романе ясно ощущается ход реально-исторического времени, которому подвластны действия и судьбы героев. Хронологические рамки романа вбирают события, произошедшие с конца 20-х и до середины 50-х годов прошлого века и ставших судьбоносными в жизни страны. Это сворачивание НЭПа, коллективизация и индустриализация, репрессии, Великая Отечественная война и послевоенное десятилетие. При этом прием ретроспекции позволяет автору намного расширить временные рамки произведения. В воспоминаниях героев встают картины начала века, Первой мировой войны, революций, гражданской войны. Отражение, отголоски этих и других социально-экономических явлений российской действительности в Башкирии, в Сибири образует художественное пространство произведения.

Однако не обилие событий и фактов, их внешняя канва определяют идейно-художественную структуру «Черного этапа» как большой эпической формы, а сосредоточенность художнического взгляда на характерах, духовно-нравственных коллизиях, на изображении внутренней борьбы человека с самим собой, с обстоятельствами, его тщетной попытке противостоять ударам судьбы, социальным катаклизмам. Основным отправным моментом повествования в романе является человек, который становится

носителем и выразителем исторических перемен, судьба которого осмысливается с разных точек зрения – социально-бытовой, нравственно-психологической, философской.

Романное содержание, романная ситуация могут возникнуть и там, где нет масштабности, панорамности, но есть изображение содержательной и разносторонней личности в ее связях с обществом. Романная ситуация предполагает изображение духовно значимых героев с их непростыми и драматичными судьбами, органично вписанными в породившую их социальную среду. Исследователи жанра, начиная с Гегеля, это «самостоянье» героя, его конфликтное состояние с окружающим миром считают основным структурообразующим признаком романа. Эту ситуацию Гегель определял так: «проза жизни находится в разладе с поэзией сердца» [1].

Исходя из этого, можно констатировать, что «Черный этап» тяготеет к так называемому «центростремительному» роману. Сконцентрированность сюжетного действия вокруг личности, повышенный интерес к его судьбе, воссоздание его духовно-нравственного облика на конкретно-историческом фоне, показ взаимообусловленности человека и среды, причинно-следственных связей между ними – всё это является сверхзадачей автора. Он сплетает ход социальной истории с частным бытом людей, но не склонен к широкому изображению общественно-политических обстоятельств. Тем не менее, ощущение исторической реальности, духа времени не покидает читателя. Так или иначе в диалогах и монологах героев, в авторском повествовании, через художественные детали, образную символику, точное указание места действия, дат и т.п. создается образ изображаемой эпохи, художественного пространства, в котором живут и действуют персонажи и которое играет определяющую роль в их судьбе.

В отличие от хроники авторское повествование как таковое в романе С. Фазлыева занимает незначительное место. В нем широко использовано так называемое «субъективное повествование» (несобственно-прямая речь). Переломные события в жизни страны автор дает через восприятие того или иного персонажа, видит. Явления действительности его глазами, оценивает с его точки зрения. Еще Н.А. Добролюбов говорил, «чтобы эпоха, из которой взят роман, представлена была совершенно верно, чтобы угадан был самый дух событий, надобно, чтобы автор судил своих героев не по понятиям своего века, а по их времени, чтобы он смотрел их глазами, жил их жизнью» [2].

Большое место в идейном содержании романа отведено образу муллы Аглетдина. Он свидетель событий Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны, преобразований в 20-е годы и последующих лет. Не случайно роман открывается главой «Аглетдин», в которой герой видит страшный сон. В степи будто его преследуют голодные волки, черные птицы, убегая от которых он оказывается на краю

пропасти. Этот сон – своеобразный эпиграф ко всему произведению, предзнамение грядущих грозных событий не только в жизни Аглетдина, но и многих других, ставших жертвами тоталитарного режима. Как увидим в дальнейшем чтении романа, сон превращается в явь, условно-символические образы животных и птиц обретают реальные облики людей, являющихся символами эпохи с ее беспощадностью, жестокостью к так называемым «врагам народа».

Субъективное повествование, о чем речь шла выше, наиболее активно использовано при создании образа муллы. Автор вплотную «приближается» к своему герою, буквально сливается с ним, видит и оценивает окружающий мир его глазами, принимает его манеру говорения и мышления. Несмотря на жестокость, бесчеловечность и несправедливость по отношению к нему со стороны односельчан и представителей новой власти, он до конца жизни остается человеком добрым и отзывчивым, не озлобленным, истинным мусульманином. По складу характера он во многом напоминает толстовского Платона Каратаева с его проповедью непротивленчества.

И в дальнейшем сюжетном действии романа прием «субъективного повествования» занимает главное место, образуя одну из стилевых черт романа. В связи с этим можно говорить о многоголосии, так как на страницах книги действует довольно большое количество лиц. Как и в случае с Аглетдиным, автор часто «представляет» им слово, воспроизводит их внутреннюю речь, «подстраивается» под них. Это становится эффективным способом создания запоминающегося образа, психологической характеристики персонажа. В этом отношении примечательны образы Усмана, его жены, старика Прокудина, детей, подростков – Магаза, Гульшат и многих других.

Не подлежит сомнению критический пафос романа. В устах персонажей звучат слова осуждения грабительской политики новой власти по отношению к зажиточному крестьянину, деятельности начальников разного уровня. Созданы карикатурные, сатирические образы лиц, проводящих раскулачивание, осуществляющих конвоирование, охрану «врагов народа». Это секретарь комсомольской ячейки Хайрулла, председатель колхоза Самигулла, сельского совета Миннулла, милиционеры... Это та антинародная, темная сила, стая хищников из страшного сна Аглетдина.

Характерна и символична сцена собрания переселенцев, куда неожиданно является человек в длинном черном плаще. Это зловещая фигура наводит ужас на собравшихся. Автор не называет ни его имени, ни должности – это символ карающей власти, знак времени. Во всех его телодвижениях, мимике, словах ярко бросается презрение к каторжанам, упоение своей властью над ними. Ливень, темень, сопровождающие эту сцену, способствуют созданию гнетущей, напряженной и тревожной атмосферы.

Надо отметить, что в образной символике романа черный цвет встречается часто. Это черные тучи, чернеющий лес, человек в черном, темные, черные бараки переселенцев. Название романа – «Черный этап» – имеет обобщенно-символическое и конкретное значение. Это и темная полоса в жизни людей, и многотрудная дорога «врагов народа» в Сибирь, на каторгу, это и населенный пункт посреди тайги, где они жили. Такая цветовая символика призвана подчеркнуть, усилить трагический пафос романа.

Ведущей стилиевой чертой романа, доминантой стиля является описательность, изобразительность. Кажется, что автор ничего не оставляет без внимания, что попадает в поле его зрения: внешность персонажа, его внутренний мир, интерьер, убранство дома, жилища, детали быта, работа на поле, в лесу в разные времена года, рубка, сплав леса, запряжание лошади, паромная переправа, природоописания, сцены раскулачивания, различные собрания, сходы, другие коллективные сцены и многое другое. Автор не столько выражает, сколько изображает, создает зрительные картины, обладающие силой воздействия своей непосредственностью, «эффектом» присутствия, правдивостью и точностью.

С. Фазлыев умеет писать интересно и занимательно. В романе немало эпизодов, даже глав, которые способны увлечь самого взыскательного читателя. В этом отношении примечательна глава «Весна 1947 года», в которой повествуется о Магазе, сыне Аглетдина, о его злоключениях и приключениях на пути домой в Башкирию и обратно в Сибирь к матери.

Автор стремится к гармонии плана выражения и изображения, содержания и формы как важнейшего условия художественности. Здесь уместно привести следующие слова-замечания Виктора Астафьева, сказанные им по поводу рассказа молодого прозаика. «У рассказа есть один существенный недостаток – он почти весь построен на пересказе, он идет от устного повествования, и потому в нем мало что изображено. Пересказ, да еще в исполнении автора – это всегда обеднение.

Традиционный русский рассказ силен именно *изображением*, показом, богатством слова и образа...» [3]. У С. Фазлыева авторское повествование сведено до минимума. Даже в тех случаях, когда оно присутствует, голос автора часто «перетекает» в голос персонажа, срастается с ним, обретая все оттенки и краски его речи. При этом на первый план выступает настроение рассказчика, близкого автору по своему мироощущению, что позволяет писателю выразить свои мысли опосредованно.

В свое время исследователь Б.Г. Реизов ввел термин «синтетический роман» [5], имея в виду сочетание в нем трех компонентов – описания, повествования и диалога. Такое единство названных элементов наблюдается и в нашем случае. Наряду с описанием и повествованием, диалоги в «Черном этапе» являются важнейшим композиционным

средством, которые органично дополняют «субъективное повествование», внутренние монологи героев, подчеркивают их национальные черты, характеризуют образ жизни, мысли, нравы, показывают манеру говорить и в конечном итоге способствуют созданию неповторимого характера. Возьмем старика-сибиряка Прокудина, образ которого в основном строится через его речь, беседы с окружающими. Перед читателем постепенно встает фигура хитроватого, излишне болтливового, но простодушного бессребреника из народа, бедного и обездоленного, но духовно свободного человека. Это тот же шолоховский дед Щукарь со своей немудреной жизненной философией, вызывающий у автора и читателя симпатии и смех одновременно.

Несомненно, автору удалось выполнить свою художественную задачу. На суд читателя и критика представлено эпическое полотно, претендующее на солидность, серьезное внимание. Роман написан талантливой рукой, человеком, хорошо знающим язык родного народа, стремящимся использовать его изобразительно-выразительные возможности, активно обращающимся к сокровищам устно-поэтического творчества. Уместно употребленные крылатые выражения, пословицы и поговорки, диалектизмы, профессионализмы обогащают, разнообразят речь автора и персонажей, вносят живую струю в язык произведения. Всё это говорит в пользу того, что писатель справился с художественной миссией. Однако при этом, на наш взгляд, ему не удалось избежать определенных потерь. Сразу бросается в глаза некоторая растянутость произведения, заметны длинноты, подробности, чрезмерная описательность. Автору не всегда удается представить явление, лицо, факт, событие в обобщенном, более типизированном виде, что и составляет основу, суть художественного творчества. Возможно, здесь ему помешало то, что он пишет о реальных, близких ему людях, и он стремится сказать о них больше, подробнее, вместить в сюжетно-композиционную структуру произведения весь большой материал. Некоторые места романа – это своего рода художественные биографии или очерки отдельных лиц, написанные в одном ключе, по стереотипу. Например, главы «Аглетдин», «Усман», «Мустафа», «Гульшат», «Кулсум», «Фатиха».

Еще К.С. Аксаков сказал, что «Метель» Л. Толстого «превосходный рассказ», но при этом заметил, что в нем «...подробностей много; однообразие их несколько утомляет» [4]. Нечто подобное мы видим и у С. Фазлыева. Повторы, многословие, описания на целые страницы, излишняя детализация порой мешают созданию целостной картины, сосредоточиться на главном, «разрыхляют» композицию произведения. Отсутствие центрального героя, вокруг которого, как правило, стягиваются все сюжетные линии и через образ которого выражается авторская мысль, также несколько «рассеивает» внимание читателя, разбивает произведение на отдельные равновеликие части, главы. Система образов

романа организована так, что каждый из них равнозначен по отношению к главной теме, идее и проблематике.

Список литературы

1. Гегель. Поэзия // Эстетика. – М., 1971. – Т. 3. – С. 474.
2. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. – М., 1961. – Т.1. – С. 115.
3. Литературная учеба. – 2014. - №2. – С. 54.
4. Письма К.С. и И.С. Аксаковых к И.С. Тургеневу // Русское обозрение. – 1894. - №2. – С. 583.
5. Реизов Б.Г. Творчество В.Скотта. М., 1965. – С. 457.
6. Фазлыев С. Черный этап // Агидель.– 2014.- №3. – С. 1-5.

Рецензенты:

Карамова А.А., д.фил.н., зав кафедрой русской и зарубежной филологии Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.

Петишева В.А., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии и межкультурных коммуникаций Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.